

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ЧАРЛЬЗ ДАРВИН	28
<i>Первый детский психолог</i>	
ДЖОН УОТСОН	54
<i>Трагедии бихевиориста</i>	
ЗИГМУНД ФРЕЙД	78
<i>Отец, который втайне подвергал психоанализу свою дочь</i>	
КАРЛ ЮНГ	108
<i>Архетипический бабник</i>	
МЕЛАНИ КЛЯЙН И ЕЕ ДОЧЬ	129
ЖАК ПИАЖЕ	147
<i>Его мать и психоанализ</i>	
БЕНДЖАМИН СПОК	164
<i>Консервативный радикал</i>	
ДЖОН БОУЛБИ	178
<i>Человек в котелке</i>	
БЕРРЕС СКИННЕР	191
<i>Тот, кто посадил дочерей в «клетку»</i>	
РОНАЛЬД ЛЭЙНГ	201
<i>Насилие в семье</i>	
КАРЛ РОДЖЕРС	224
<i>Безусловное позитивное внимание</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	239
<i>Достаточно хороший психолог?</i>	
ЛИТЕРАТУРА	243

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В августе 1916 г. Зигмунд Фрейд сообщил в письме дочери Анне о том, что он приехал в Бадгастейн, один из самых модных курортов в Европе. Его жена Марта и свояченица Минна прибыли вместе с ним. В этих целебных водах в разное время купались австрийский император, Элеонора Рузвельт, писатель Томас Манн и канцлер Германии Бисмарк, сказавший о Дизраэли на Берлинском конгрессе: «Der alte Jude, das ist der Mann!» («Старый еврей, вот это человек!»).

С 1916 по 1923 г. другой старый еврей, Зигмунд Фрейд, каждое лето по несколько недель жил на вилле доктора Антона Вассинга, который брал постояльцев, видимо, потому, что в его врачебных услугах мало кто нуждался. Нынешний гостеприимный хозяин виллы Кристиан Эрлатер показал мне запись от 31 июля 1920 г. — в то время здесь останавливался еще и еврейский фармацевт из Вены. Это было через шесть месяцев после того, как Фрейд пережил трагическую смерть дочери: Софи было всего 27 лет.

На вилле Вассинга ученый работал над двумя книгами. Кристиан показал мне небольшую комнату №17, в которой ночевал основатель психоанализа. «Это та самая кровать, поменяли только матрас», — заметил Эрлатер. Он добавил, что в 1920 г. Фрейда сопровождала не жена, а ее сестра Минна. Комната Минны — №16 — находилась рядом и, как, улыбаясь, заметил Кристиан, соединялась дверью с соседней. Одна

из неразрешенных загадок жизни Фрейда — был ли у него роман со свояченицей. Летом 1920-го, спустя полгода после смерти Софи, он определенно нуждался в утешении.

Переписка Фрейда и Анны, по всей вероятности, отражает близкие, возможно, даже слишком, отношения отца и дочери. Мы не можем судить наверняка, поскольку многие их письма, находящиеся в Библиотеке Конгресса США, запрещены к выдаче до 2056 г. или навечно. Когда Фрейд умирал, Анна сидела у постели отца, убеждая потерпеть еще немного, прежде чем доктор даст ему по его просьбе смертельную дозу морфия. Это была нежная прощальная речь.

В противоположность этому дочь Мелани Кляйн не только отказалась идти на похороны матери, но и надела любимые красные сапоги, чтобы отпраздновать это событие. Эдриан Лэйнг, сын Р.Д. Лэйнга, называл свое детство «дерьмом на лопате». К счастью, не все известные психологи враждовали со своими детьми. Книга посвящена одиннадцати персонажам — психологам, психиатрам и психоаналитикам. Чарльз Дарвин не был ни тем, ни другим, ни третьим, поскольку в его времена этих профессий еще не существовало, но он стал одним из основоположников возрастной психологии.

Во многих отношениях эта книга о столетии неудач. Тысячи психологов изучали, как дети развиваются, что придает им чувство безопасности, незащищенности, уверенности в себе, неполноценности, целеустремленность или апатию, — и нам стоило бы вынести уроки из этих исследований. По идее, психологи знают и видят больше, чем «обычные» люди, и должны уметь использовать свои возможности, чтобы стать хотя бы «достаточно хорошими» родителями — понятие, введенное английским психоаналитиком Д. Винникоттом. Он полагал, что идеальная мать — это «достаточно хорошая мать». Поскольку в западном мире мужчины принимают деятельное участие в воспитании детей, я изменил этот термин на «достаточно

хороший родитель»; такой человек сознательно относится к родительским обязанностям, не пренебрегает своим ребенком, а дарит ему физический и эмоциональный комфорт. Иногда он, конечно, устает от сына или дочери, выбивается из сил и даже покривляет на отпрыска, когда тот устраивает сцены в супермаркете, требуя газировки. Достаточно хороший родитель — это реальный жизненный персонаж, одновременно самоотверженный и эгоистичный. Временами достаточно хорошие отец или мать почти ненавидят ребенка. Попытки стать идеальным родителем глупы и даже пагубны. Дети познают жизнь, глядя на своих небезупречных родителей, а большинство из героев нашей книги были совсем не ангелами.

Историки относят зарождение психологии как науки к 1879 г., когда Уильям Джеймс открыл лабораторию в Гарварде, а Вильгельм Вундт — в Лейпциге. За прошедшие с тех пор 135 лет психологи наблюдали за детским поведением, вероятно, каждый божий день. Однако то, как они применяли свои идеи в воспитании собственных чад, никто всерьез не изучал. Делая такое заявление, я немного волнуюсь, но, похоже, действительно нет никаких эмпирических исследований о том, какими родителями были великие психологи. Этой темы касаются некоторые мемуаристы, но воспоминания всегда субъективны. Например, Мартин Фрейд в книге «Отраженная слава» (Reflected Glory) рассказал об отце с почтением, а Эдриан Лэйнг в биографии своего отца Р. Д. Лэйнга — совсем наоборот. Натали Роджерс вспомнила об отце в нескольких интервью. Дебора Скиннер Бузан и ее сестра Джулия Варгас написали о своем отце Беррессе Скиннере; обе считают его замечательным родителем и опровергают раздающиеся в адрес психолога обвинения, будто он якобы держал их в так называемом «ящике Скиннера», словно крыс или голубей, которых так любят бихевиористы. «Коробка Энни» (Annie's Box) Рэндолла Кейнса, посвященная короткой жизни дочери Чарльза

Дарвина, — также семейная книга: ее написал праправнук автора «Происхождения видов». Праправнучка Дарвина поэтесса Рут Пэйдел сочинила о знаменитом предке несколько стихотворений.

Отсутствие работ, анализирующих родительское поведение знатоков человеческих душ, возможно, имеет печальное объяснение. Дети многих психологов вели беспутную жизнь, яростно критиковали педагогические методы отцов и матерей; некоторые из них выдвигали теории, противоположные родительским. Сэр Ричард Боулби, сын Джона Боулби, основоположника теории привязанности, полагал, что сама идея этой книги отдает «нездоровым любопытством» — выражение, которое он использовал во время нашего неприятного телефонного разговора. Книги по психологии нечасто так характеризуют.

Многим психологам и психоаналитикам были, мягко говоря, чужды условности в общении с детьми. Один из первых психоаналитиков, принцесса Мари Бонапарт, правнучата племянница Наполеона и тетка герцога Эдинбургского, интересовалась у Фрейда, не стоит ли ей переспать с собственным сыном, поскольку многочисленные любовники ее не удовлетворяли (большинство не оправдавших ожиданий поклонников принцессы были французскими политиками.) Она полагала, что «эдипов оргазм» может спасти положение. Консервативный Фрейд отсоветовал ей нарушать табу кровосмешения. Принцесса послушалась и, что еще более примечательно, не стала настаивать, чтобы сын прошел курс психоанализа.

Фрейд и Мелани Кляйн подвергали психоанализу своих детей. Сегодня это было бы недопустимо, да и на заре психоанализа считалось не вполне подобающим. Фрейд скрывал, что проводил сеансы с дочерью Анной; курс, проведенный Мелани Кляйн с дочерью Мелиттой, не увенчался успехом: они не виделись последние 20 лет жизни Мелани, и, как говорилось выше, Мелитта восприняла день смерти матери как праздник.

Были и менее драматичные эпизоды. Дочь основателя гуманистической психотерапии Карла Роджерса Натали упрекала отца в равнодушии, жестокости к жене и пристрастии к водке, которой от него разило за версту. Эдриану Лэйнгу приходилось вызволять пьяного родителя из полицейского участка. Один психолог, попросивший меня не называть его имени, рассказал, что его дед, тоже выдающийся психолог, разорвал отношения с некоторыми членами семьи. Когда мой собеседник предложил деду посмотреть на новорожденного внука, тот ответил, что в этом нет необходимости. Стоит ли говорить, что этот психолог написал знаменитую книгу о детях?

Полагаю, чтобы понять, как великие психологи воспитывали своих детей, надо попытаться вникнуть в обстоятельства их собственного детства. Многие психологи считают необходимым поведать о своем прошлом и пополняют такими рассказами, например, серию «История психологии в автобиографиях». Одни из них мало говорят о своих ранних годах, но другие осознают, что воспитание повлияло как на их выбор профессии, так и на взаимоотношения со своими отпрысками.

Поэтому в каждой главе мы будем обсуждать детство того или иного психолога или психиатра, его идеи относительно детского развития и воспитания, а также поведение как родителя. Поскольку я не собираюсь писать трехтомный викторианский роман, ограничусь лишь несколькими персонажами. Я включил в книгу очерки о Дарвине, Уотсоне, Фрейде, Юнге, Пиаже, Боулби, Мелани Кляйн, Р.Д. Лэйнге, Скиннере, Карле Роджерсе и Бенджамине Споке — авторе самой влиятельной работы о воспитании в 1950–1960-х гг.

Среди тех, кого пришлось оставить без внимания, — Нико Тинберген, получивший в 1973 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине вместе с двумя другими учеными. Приведу выдержки из интервью, которое он мне дал. В то время было

модно распространять идеи этологии* на психологию человека, как сделал Десмонд Моррис в своей широко известной книге «Голая обезьяна».

Тинберген говорил: «Конечно, иногда я смотрю на своих детей глазами этолога. Когда мы вызываем семейного доктора к дочери, она начинает непроизвольно зевать, и врач заявляет: “Наверно, она очень устала”. И мне приходится объяснять, что девочка смертельно напугана — это пример очень распространенных “замещающих действий”, возникающих во время легкого волнения, таких как почесывание или кусание ногтей».

Тинберген привел и другой пример: «Наш сын начал грызть ногти, не достигнув и годовалого возраста. Я помнил, что самки птиц сразу после кладки яиц часто едят все твердое и белое, и знал, что организм моей жены не производит нужного количества кальция — этот дефект сын мог от нее унаследовать. Тогда, получив недоуменное согласие нашего врача, очень интересующегося научными исследованиями, мы стали понемногу добавлять кальций в пищу сына. Предположение подтвердилось: сын перестал грызть ногти сразу же и навсегда».

Однако старания Тинбергена применить идеи этологии к детям-аутистам оказались тщетными. По его словам, «если дети-аутисты не говорят, то, чтобы их понять, надо смотреть на выражение лиц и движения. Те же мимика и движения наблюдаются и у животных. Многие из таких детей живут в постоянном конфликте между чрезмерной тревогой и неудовлетворенным желанием общаться». Большинство нынешних специалистов по изучению аутизма не считают такой подход действенным.

У выбранных мною психологов вместе взятых 51 ребенок, так что герои этой книги неукоснительно соблюдали заповедь

* Наука о поведении животных. — Здесь и далее прим. пер.

Ветхого Завета — «плодитесь и размножайтесь». В начале каждой главы я излагаю, кто родил кого и когда.

За последние несколько лет интерес к теориям воспитания детей невероятно возрос. Сотни книг с практическими рекомендациями, а также телепрограммы вроде «Няня на три дня» (The Three Day Nanny) предлагают море советов, как сделать ребенка счастливым. Один из каналов показывал многосерийную программу о том, как психологи могут помочь детям быстро засыпать. Подобных передач великое множество. В заключительной главе, где я делаю выводы, я также размышляю о том, что нынешние родители могут вынести из знаний и опыта великих психологов и психиатров.

Среди этих ученых были неплохие писатели. Возможно, самое увлекательное описание детства оставил Беррес Скиннер в книге «Подробности моей жизни» (Particulars of My Life). Скиннер отмечает, что родился в благополучной семье и «первая личная вещь, которую я помню, — плюшевый мишка». Детей отправляли спать в восемь часов, при этом они целовали обоих родителей, но однажды вечером юный Скиннер поцеловал только маму. Та велела сыну поцеловать папу, но отец сказал: «Ничего-ничего». Скиннер объясняет: «Он понял, что сын достиг такого возраста, когда мальчики уже не целуют отцов».

Отец Скиннера был весьма успешным юристом, но мать являлась «во многих отношениях главой семьи». Она всегда была готова указать мужу на его ошибки. «Сомневаюсь, что он утаил от нее хоть один свой промах», — замечал их сын. Иногда она утешала мужа, но не всеми возможными способами. «Она, по всей вероятности, была фригидна», — заключал Скиннер, основываясь на разговорах с И.Р.В. Сирлом, довольно не сдержанным на язык юристом, который хорошо знал его родителей и разболтал ему их секреты. Мать, «очевидно, не удовлетворяла отца сексуально», писал ее сын. Беррес и его брат спали в соседней комнате, и дверь в родительскую

спальню обычно была открыта. Как-то вечером до ушей Скиннера донеслись «шепот и негромкая возня», а затем слова матери: «Может, не будем?» Он не слышал, что ответил отец. Однажды Сирл сказал, что отцу Скиннера «не помешало бы время от времени посещать проституток». Но Скиннер был уверен, что папа никогда этого не делал.

О своем неудовлетворенном отце Скиннер говорил: «Жизнь, должно быть, изнурила его. Он изо всех сил стремился утолить желание что-то значить, которое внущила ему мать, но и 40 лет спустя он бросался на кровать с плачем и криком: «Я никчёмный человек! Я ни на что не гожусь!»» Когда у самого Скиннера появились дети, он вовсю пытался прививать им самоуважение. Его дочь Дебора, сидя в своем саду в Хампстеде, сказала мне, что вспоминает отца с нежностью.

Безусловно, родители не должны злоупотреблять своей властью над ребенком. Хотя эта мысль и кажется банальностью, она имеет научное подтверждение. В своем исследовании Янг, Ленни и Миннис обнаружили: дети в возрасте от 11 до 15 лет, заявлявшие, что родители проявляли «равнодушие к их чувствам и властность», четыре года спустя были более других подвержены психическим расстройствам. Вот к чему приводит чрезмерный контроль. Если родитель — психолог, этот механизм еще сложнее: ведь психолог, кроме прочего, имеет специальные знания, и его дети в конце концов осознают это.

Я очень хорошо знаком с проблемой власти над детьми.

Весьма личное отступление

Я подхожу к этому вопросу в критический момент моей жизни. Я психолог и отец двоих детей, один из которых недавно умер. Моему сыну Рубену было 38 лет. «Несчастный случай», — заключил коронер. Гибель горячо любимого сына заставила меня сомневаться во всем, а еще привела к необходимости

БЕНДЖАМИН СПОК

Консервативный радикал

Когда в 1924 г. Бенджамин Спок стал олимпийским чемпионом, он, наверно, и представить не мог, что однажды попадет под суд за государственную измену и что его старший сын будет этим восхищаться.

Спок публично протестовал против начала Вьетнамской войны, чем вызвал ярость консервативного министра и популярного писателя Норманна Пила. Пил негодовал: совет доктора Спока: «Обнимайте своих детей, кормите их, когда они голодны, укладывайте спать, если они устали» — это корень проблемы. Он считал, что «проповедуемая доктором Споком практика немедленного удовлетворения детских потребностей стоила Соединенным Штатам двух поколений».

Тем не менее сам Спок вовсе не стремился потакать желаниям своих детей. В 1970 г. его старший сын Майкл рассказал *The Ladies Home Journal*, что отец был требовательным, непреклонным и ни разу в жизни его не поцеловал. Уотсон тоже никогда не целовал своих сыновей, так что, похоже, в этом и кроется секрет успеха знаменитых американских книг о воспитании детей! Уотсон по крайней мере проявлял последовательность: и в жизни, и в книге он был против того, чтобы целовать детей. Спок же, вопреки своим привычкам, в книге «Ребенок и уход за ним» рекомендует часто обнимать и хотя бы изредка целовать отпрысков.

Книга Спока повлияла на воспитание детей сразу, как только вышла в свет в 1946 г. «Большинство матерей восприняли ее как подлинную революцию», — говорил Спок. «Не бойтесь любить (свое дитя). Каждому ребенку нужно, чтобы ему улыбались, разговаривали с ним, играли, ласкали его мягко и нежно, — советовал он. — Возможно, вам скажут, что вы должны установить для ребенка строгий режим питания, сна, опорожнения кишечника и других привычек — не верьте этому». В скором времени дети усвоят ритм семейной жизни. Спок обращался к публике, готовой принять либеральные советы. «Ведите себя естественно и наслаждайтесь материнством», — писал он. Совет столь же мудрый, сколь и слова одноименного персонажа из «Звездного пути»: «Живите долго и благоденствуйте».

И Спок благоденствовал. Его труд перевели на 49 языков и продали тиражом 50 млн. Кроме того, он написал книгу для подростков. Однако наивно полагать, будто Спок был уступчивым или снисходительным отцом. В 1968 г. его внук Дэн даже допустил, что дед страдал чем-то вроде раздвоения личности. Для публики «Бен был добрым и отзывчивым другом, прекрасным педиатром, который все знает о том, как кормить детей, любить их, играть с ними, но с семьей он держался скорее прохладно».

Успех книги сделал Спока знаменитым, и слава наложила на доктора свой отпечаток. «Когда человек является яркой личностью, общественным достоянием, идолом, он становится в некотором смысле недосягаемым, с ним трудно наладить простые человеческие отношения», — говорил Дэн Спок. Когда отец Дэна Майкл и его дядя Джон, второй сын Спока, желали сыновнего общения с родителем, «тот всегда напускал на себя вид кумира миллионов и выдавал это за свое истинное лицо». Этот панцирь намекал на внутренний конфликт.

Сам Спок считал, что книга «Ребенок и уход за ним» пользовалась столь большой популярностью, потому что вышла

сразу после Второй мировой войны. К тому времени работа Уотсона «Психологический уход за ребенком» уже устарела. В нестабильное военное время многие пары откладывали рождение детей. Теперь же они хотели знать, как лучше заботиться о своих драгоценных чадах.

Спок родился в 1903 г. в Нью-Хейвене. Его отец, выпускник Йельского университета, работал юристом в местной железнодорожной компании. Спок рассказывал, что бабушка по материнской линии Ада была чрезвычайно строга. Однажды она заперла дочь в кладовке и ушла из дома, а когда вернулась, девочка была на грани помешательства из-за жестокого наказания. И все же Спок писал: «Поскольку дети выросли благополучными, психолог мог бы с уверенностью сказать, что они не только чувствовали привязанность отца, но, должно быть, распознавали под внешней суровостью матери ее самоотдачу и даже любовь». Кроме прочего, властная бабушка не одобряла секс, но даже она не могла все контролировать: одна из ее дочерей родила внебрачного ребенка. Также бабушка возражала против брака другой дочери с ее избранником, потому что отец жениха Уильям Спок был всего-навсего каретным мастером.

Неудивительно, что и мать Спока отличалась строгостью. Он вспоминал: «Я вырос в семье непреклонных пуритан». Когда он начал ходить и родители смогли пригласить для него няню, его мать выбрала весьма неприветливую женщину. Няня, рассказывал Спок, была «невероятно сурова и внушала страх. Она всегда носила черное платье с высоким кружевным воротником на китовом усе. Мы должны были на цыпочках входить в ее комнату, где она разливала чай в чашки из очень тонкого, почти прозрачного фарфора. Грозным голосом она спрашивала: “Хочешь печенье?” Я отвечал: “Да, няня”. Тогда она протягивала мне тарелку с лакомством, и я брал одно печенье, ни в коем случае не два. Я имел право только поблагодарить

ее, больше ничего говорить или просить не разрешалось. Затем я разворачивался и выходил из комнаты».

Как старший ребенок в семье, Спок должен был присматривать за младшими братьями и сестрами. Таким образом он получил необычный для мальчика начала XX в. опыт. В школе он учился хорошо и после ее окончания поступил в Йельский университет, так же как когда-то его отец. Он изучал не медицину, а историю и литературу. Отличный гребец, Спок создал университетскую команду по гребле, одним из членов которой был Рокфеллер. Эту восьмерку выбрали представлять Америку на Олимпийских играх в Париже. Команда выиграла золотую медаль.

Спока приняли в общество старшекурсников Йеля «Свиток и ключ», куда прежде входил Уильям Буллит, первый американский посол в Советском Союзе. Вместе с Фрейдом Буллит написал книгу, которая доказала (по крайней мере авторам так казалось), что Версальский договор содержал столь жесткие условия, потому что Вудро Вильсон никогда не подвергался психоанализу. Авторы располагали секретными сведениями о невротичном поведении Вильсона, поскольку Эдвард Бернейс, племянник Фрейда, работал в администрации президента.

После Йеля Спок стал изучать медицину и в 1929 г. окончил Колумбийский университет лучшим на своем курсе. Несмотря на достижения в учебе и спорте, Бенджамин все же чувствовал, что его родители не вполне довольны им, особенно требовательная мать, тоже дочь строгой матери. Она хотела, чтобы Бен понял, что секс опасен, что это «эмоциональная бомба». Поэтому она убеждала сына в том, что он непривлекателен, а когда смотрит на девушек — «отвратителен».

Чтобы справиться с этими чувствами, Спок решил искать помощи у психоаналитиков. С первым специалистом ничего не вышло. Тогда Спок обратился к Шандору Радо. Здесь

опять же прослеживаются удивительные связи. Радо был учеником друга Фрейда Шандора Ференци, у которого проходила психоанализ Мелани Кляйн. Лечение у Радо продвигалось успешно и, кажется, позволило Споку выплеснуть некоторые негативные чувства по поводу его строгого воспитания.

Спок был не только отличным гребцом, но и превосходным танцором. В июне 1927 г., незадолго до окончания медицинского факультета, он женился на Джейн Чейни. Молодожены вели активную социальную жизнь, даже когда Джейн вынашивала их первого ребенка. Поскольку денег в семье не хватало, они вместе с друзьями открыли «Танцевальную академию». За \$40 за вечер они снимали зал и за \$400 нанимали оркестр из 12 человек. Входной билет стоил \$1,5. Споку нравилось надевать старомодный фрачный костюм. Он был очень популярным партнером по танцам.

Став отцом, Спок, несмотря на образование и годы психоанализа, последовал примеру своих родителей. «Мы с Джейн были, несомненно, консервативными родителями, — писал он. — Мы считали, что маленьких детей нужно укладывать в семье, не только чтобы они спали сколько положено, но и чтобы мама с папой могли отдохнуть вечером в тишине и спокойствии».

В то время грудных детей кормили строго по часам, поэтому, если сын требовал молока в неурочное время, он мог плакать сколько угодно, пока не наступал час кормления. Майкл рассказывал: «Когда я родился, отец только начинал свою практику. Жизнь в Нью-Йорке предполагала посещение вечеринок, мероприятий и все прочее, и я однажды пожаловался родителям, что они выходят в свет чаще, чем король и королева Англии. Они ответили, что король и королева редко выходят в свет».

Так же как и Фрейд, Спок невероятно много работал. «Отец взваливал на себя очень много дел, вплоть до того, что отвечал

на любые письма. Он сам себя воспитал», — говорил Майкл. Спок «приходил домой в семь часов на ужин, который ждал его уже полчаса. Потом начинались телефонные звонки, и он непрестанно отвечал на вопросы мамочек. Моя мать хотела, чтобы он был с женщинами потверже, но отец ее не слушал».

Однако временами у Спока появлялось время и для сына. «Когда папа был свободен, я проводил с ним столько же времени, сколько другие дети со своими отцами. В основном мы по-приятельски общались по утрам в ванной. Вставали мы около семи. Я сидел в ванной, а он брался и помогал мне с таблицей умножения». Интересно, что Спок удалял сыну зубы. «Когда я обнаруживал шатающийся зуб, то шел к отцу, который помогал мне его вытащить», — объяснял Майкл. Спок делал это безболезненно: «осторожно надавливал на зуб и выталкивал его большим пальцем».

При всем своем традиционном воспитании Спок подчас был чужд условностям. Майкл вспоминал, что в пять лет стал проявлять жгучий интерес к сигаретам, и отец дал ему попробовать. С тех пор Майкл не курил.

После вступления Америки во Вторую мировую войну Спок провел два года в Военно-морском флоте. Перед психиатрами стояла задача как можно скорее возвращать в строй моряков, получивших психические травмы во время военных действий, но неизлечимых быстро увольняли со службы, «без права когда-либо претендовать на пенсию, потому что они изначально ни на что не годились». В конце концов Спок начал работать в морской тюрьме и дал неприглядное описание типичного пациента: «импульсивный, безответственный человек, которого в раннем детстве обделили любовью и заботой». У пациентов Спока была жалкая история жизни. Они прогуливали работу и обычно долго не задерживались на одном месте. «Отчеты о состоянии выпускемых на свободу можно хоть во сне писать», — говорил Спок.

20 апреля 1944 г. Спок все еще работал в ВМС в госпитале «Бетесда», когда получил срочный телефонный звонок. Он сел на утренний нью-йоркский поезд и добрался до больницы за 20 минут до того, как родился его второй сын Джон. Отношение к отцам 70 лет назад было принципиально иное. «Входить нельзя, — рявкнула старшая медсестра, — сейчас вы не доктор Спок, а обычный папаша. Идите домой». Спок навсегда запомнил эту минуту и учил своих студентов быть внимательными к отцам и не прогонять их.

В работе на Военно-морские силы было одно преимущество: ежедневно ровно в 17:00 Спок уходил домой и мог проводить время с новорожденным сыном. Джона растили по менее строгим правилам, чем Майкла. Ему не приходилось долго плачать, чтобы получить молоко. Трудно сказать, изменились ли супруги Спок или распространенные способы ухода за ребенком, но некоторую роль сыграла, конечно, работа Бенджамина. Кроме того, Спок и его жена, как многие родители, чувствовали себя более уверенно со вторым ребенком.

Спок говорил: «У неопытных родителей есть одно затруднение: иногда заботы воспринимаешь настолько серьезно, что забываешь наслаждаться ими». Привязанность к ребенку способствует установлению дружеского общения, «что хорошо и для него, и для вас». Спок никогда не относился к детям так, как его бабушка, которая, следуя напоминать, запирала дочь в кладовке. «В моем детстве дисциплину не насаждали тумаками», — говорил Майкл.

Томас Майер, сотрудничавший со Споком, когда писал биографию педиатра, предполагает, что Спок так напряженно работал, чтобы не проводить слишком много времени с семьей.

Как ни странно, Спок настаивал, чтобы дети звали его по имени, данному при крещении. «Бен всегда был категоричен — либо белое, либо черное». От детей ожидали хорошего поведения. Майкл перечислял правила: «Не шали; не встrevай

в разговор; не копайся, когда одеваешься; не забывай писать благодарственные письма бабушке». Чувствовалось присутствие суровой бабушки, которая «проявляла даже большее упорство в своих убеждениях», чем отец, писал Майкл.

Действительно, Спок любил повторять, что матери и отцы должны проявлять твердость. «Родители, которые говорят «Я не могу заставить его оставаться в своей комнате», просто не имеют смелости настоять на своем», — сказал он в одном интервью. Обоих мальчиков днем отправляли спать, а если не хотели, им надлежало в отведенное на сон время оставаться в своих комнатах. «Я не думаю, что родители были слишком строгими», — говорил Майкл, но признавался, что его индивидуальность подавляла выдающаяся личность отца.

Обоим сыновьям Спока кажется абсурдным предположение, что их родители были сторонниками вседозволенности. В частной жизни Спок был замкнут и очень требователен. «Я всегда чувствовал, когда Бен не одобрял мои поступки, и мне бы и в голову не пришло пытаться его в чем-то разубедить», — говорил Майкл.

Лет через пять после выхода его книги «Ребенок и уход за ним» Спок был встревожен тем, что «некоторые матери неправильно ее истолковали». Родительницы кормили младенцев беспорядочно — каждый раз, когда те плакали, и «не укладывали ребенка спать, пока тот чуть ли не просил об этом». Спок чувствовал, что его не поняли. Когда в 1957 г. он вносил в книгу поправки, то подчеркнул, что детям требуется твердая рука. У родителей, которые устанавливают ограничения, дети растут более счастливыми и благонравными. Насчет счастья — оптимистичное заявление, потому что у старшего сына Спока сохранились очень противоречивые воспоминания.

«Джону и мне, — говорил Майкл, — было тяжело жить рядом с такой сильной личностью. Нам предоставлялась довольно большая свобода в очерченных отцом строгих

рамках. Дело было в том, что он никогда не подвергал сомнению свои суждения по любому поводу».

При этом Майкл соглашался: «Те, кто знал меня в детстве, говорят, что мне все сходило с рук». Считается, что одной из причин была занятость отца. Майкл указывал: «Большой частью времени моих сверстников распоряжались родители. Но я с этих пор часто был предоставлен сам себе». В девять лет он начал «прочесывать лавки старьевщика или музеи».

Родители и дети смотрят на вещи по-разному. Спок говорил, что не пытался внушать сыновьям, будто те должны быть похожи на него. Он не надоедал им рассказами о студенческих годах в Йельском университете или о своих спортивных победах — а ведь он выиграл золотую медаль. Вместо этого он вспоминал забавные случаи, произошедшие на тех Олимпийских играх.

Однако некоторая свобода не облегчает существования, и Майкл описывал свои подростковые годы как «черную полосу жизни». Эта полоса длилась около 15 лет. Одним из проявлений подросткового бунта стало то, что Майкл решил поступать в Антиохский колледж. Это решение удивило его отца. «Мне бы никогда не пришло в голову пойти в другой колледж вместо того, который окончил мой отец», — сказал Спок, но не стал противиться поступлению сына в менее престижный университет.

Майклу стоило большого труда засесть за учебу. Сдача экзаменов была для него мучением. «Теперь много говорят о личностном кризисе подростков. Тогда я понимал только, что мне очень тяжело удержаться на плаву». По его словам, все происходило из-за того, что он не знал себе цену.

Когда Майкл рассказал родителям о своих переживаниях, они предложили ему обратиться к психоаналитику. «Мать была убеждена, что это важно», но отец, хотя и подвергался психоанализу, не изменил себе и, совсем в духе своей бабушки,

заявил, что это всего лишь вопрос силы воли. Тем не менее в конце концов родители нашли ему психиатра в Цинциннати. Три раза в неделю Майкл ездил на сеансы. К концу лечения он намотал, по его подсчетам, около 160 000 километров.

«Семье это далось непросто», особенно учитывая то, что в школе он учился хорошо. Видимо, в детстве Майкл никогда не доставлял родителям неприятностей. «Только когда я уехал из дома, все стало рушиться. Привыкание к самостоятельности занимает долгое время».

Восемнадцать лет — очень юный возраст для начала психоанализа, и его отец, убежденный фрейдист, не возражал против оплаты счетов. Но анализ продвигался рывками.

За то время, пока продолжался курс психоанализа, Майкл три раза бросал колледж. Он работал санитаром в больнице, оператором бензоколонки и копирайтером в рекламном отделе универмага. «Это очень огорчало моих родителей». В разгар этих событий Майкл встретил свою будущую жену, которая чувствовала, что он никогда не остынет. Чтобы получить образование биолога, ему понадобилось девять лет.

В этот период произошел яркий эпизод. Однажды Майкл приехал из колледжа с бородой. Его отец, известный либерал, не собирался терпеть избыточную растительность на лице сына. «Произошла, — вспоминала жена Майкла Джуди, — перепалка в стиле вестерна “Ровно в полдень”». В результате бороду Майкл сбрил. В каком-то смысле это весьма странный случай, поскольку Спок поддерживал очень радикальный процесс — движение против войны во Вьетнаме. Сам Спок, однако, имел интересное мнение о том, почему он так близко к сердцу принимал вопросы подчинения и протеста. «Оглядываясь назад, я вижу, что был неуверенным и чрезмерно честолюбивым человеком, готовым приспосабливаться к любым условиям, чтобы добиться успеха». Он не гордился этим и полагал, что его антивоенная позиция символизирует

«окончательный отказ от юношеских ценностей». Тем не менее больше о бороде никто не упоминал.

В интервью *Ladies Home Journal* Майкл размышлял о том, почему он не выразил никакого протesta во время эпохи маккартизма, когда сенатор Маккарти возглавлял Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Многие знаменитые люди были вызваны в суд по обвинению в принадлежности к коммунистической партии. «Я никогда не оказывал сопротивления». Они с Джуди хотели присоединиться к демонстрации на авиабазе, но передумали. «Это было до периода общественной активности у Бена, и мы боялись обеспокоить его».

В 1968 г. Спока привлекли к суду за «пособничество в преступных действиях», явившееся частью его борьбы против Вьетнамской войны. Это взволновало Майкла, который сказал в интервью *Ladies Home Journal*: «Наши дети знают, что делает Бен. Мы, возможно, приведем их на заседания суда». Майкл понимал: есть риск, что сторонников Спока самих могут обвинить в измене и отдать под суд. «Но даже если его заклеймят предателем, мой отец будет продолжать отстаивать свою позицию».

Майкл спрашивал себя, не позволил ли он своим сыновним чувствам встать на пути собственных убеждений. Биограф Спока Томас Майер, однако, считает, что факт невыхода на демонстрацию — в некотором роде предательство, но нам это суждение кажется слишком строгим.

Если кто-то относит феминисток 1970-х к левому крылу, то Спока атаковали и слева, и справа. Он внес некоторые изменения в свою книгу и прокомментировал: «Я всегда слушаю критику, не из благородства, а потому, что меня критиковали на протяжении всего детства и пришлось как-то приспосабливаться к вечному недовольству моей матери своими детьми».

Майкл заключил интервью *Ladies Home Journal* словами: «Я благодарен отцу за то, что он внушил мне четко

определенный набор принципов, которыми нужно руководствоваться в жизни и в общении с людьми. Вот за что я восхищаюсь его позицией относительно Вьетнамской войны. Я искренне полагаю, что он поступает правильно. И даже если бы я с ним не соглашался, я был бы горд тем, что, невзирая на великий риск, он высказывает свои убеждения. Хотелось бы мне обладать его смелостью».

В 1970 г. Спок выпустил руководство для подростков. Он признавал, что многие его идеи очень реакционны и его бабушка, наверно, одобрила бы их. Подростки не должны ходить на свидания до 16 лет, а также «заходить дальше поцелуев и объятий в романтических отношениях, пока их не свяжут брачные обязательства». Кроме того, Спок рекомендует юношам и девушкам принимать душ каждый день (предположительно холодный), быть вежливыми и выполнять обязанности по дому, не дожидаясь ворчливых напоминаний родителей. Он приветствовал использование дезодорантов. Можно сказать, что это средство придумал Уотсон во время работы в рекламном бизнесе — он озабочил американцев тем, что, если их подмышки неприятно пахнут, никто не станет разговаривать с ними. Великий бихевиорист запустил по всему миру продажу Odorono — продукта с деликатным, как кувалда, названием: «Пахнет — фу!» («Odor... О по!»).

Джон чувствовал, что быть вторым сыном — это преимущество, поскольку родители считали возможным «позволить мне существовать как независимой личности со своим видением мира, чего не скажешь о воспитании Майка». Его меньше контролировали, и он утверждал, что отец никогда не проверял на нем свои теории. «Меня не наказывали физически, просто оставляли в одиночестве». Однако его родители были «очень требовательными, хотя это так не называлось».

Одно нелестное замечание Джон все-таки сделал: «У нас была чопорная семья, и мы никогда не проявляли друг к другу

особенной теплоты, хотя мать я очень люблю». Она сохранила открытку, которую однажды в школьные годы сын послал ей к Дню святого Валентина.

Спок сохранял суровость даже со своими внуками. Жена Майка вспоминала: однажды, когда их сыну Питеру было полтора года, вся семья обедала в ресторане. Питер увлеченно пел за столом, и его родителям не приходило в голову останавливать его. Однако пение в общественном месте противоречило представлениям Спока о правилах хорошего поведения. Он довольно строго велел Питеру замолчать. Ребенок не послушался. Тогда Спок схватил мальчика на руки и решительно вышел из ресторана.

Джон вознамерился поступать не в Йель, а в Гарвард. Он объяснял: «Главной идеей (воспитания) было совершенство... в учебе, или в манерах, или в строительстве лодочной модели». К ним с Майклом предъявляли «очень серьезные требования... некоторые мы могли выполнить, а другие нет и тогда чувствовали досаду». Джон продолжал: «В результате я отбросил совершенство как самоцель, наверно, потому что это очень осложняло жизнь».

Майкл, посещавший музеи с девяти лет, стал директором Бостонского детского музея. Джон стал архитектором.

Дэн, сын Майкла, говорил: «Думаю, может быть, в глубине души Бен чувствует, что все были неблагодарны и капризны. Почему они не могли просто наслаждаться ролью сыновей великого человека? Полагаю, и мой дядя Джон, и мой отец боролись с этим».

Но самую страшную цену заплатил Питер, внук Спока, которому дед когда-то помешал петь в ресторане. В Рождество 1983 г. он прыгнул с крыши Бостонского детского музея, возглавляемого его отцом. Семья не раскрывает тайну, что могло подтолкнуть Питера к самоубийству. Биограф Спока Томас Майер делает упор на то, что Питер страдал шизофренией.

Собственный детский опыт Спока отразился на его восприятии трагедий. Когда его любимая сестра Марджори узнала о самоубийстве Питера, она пришла в ужас. В последние годы, когда Спок навещал сестру, он только читал ей вслух Беатрис Поттер, но семейные дела никогда не обсуждал. «Не смей больше приходить ко мне, чтобы читать эту Поттер. Я знала Питера мальчиком и очень сильно любила его. И пока он не умер, я не подозревала, что он несчастлив!»

Напряженность между близкими — и вера во Фрейда — вынудила Споков начать семейную психотерапию, которая заставила педиатра в очередной раз осознать противоречия собственной личности.